

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РОЗАНОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета (Вологда, Российская Федерация)
rosanov007@gmail.com

ВАСИЛИЙ БЕЛОВ И ВИКТОР АСТАФЬЕВ: К ИСТОРИИ ЛИЧНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ*

Рассматривается динамика взаимоотношений выдающихся русских писателей второй половины XX века В. И. Белова и В. П. Астафьева, реконструируемая, главным образом, по письмам, мемуарам, малоизвестным публикациям в периодической печати. Впервые анализируется внутренняя (психологическая) природа конфликта. Актуальность такого подхода возрастает и потому, что в последнее время в научной литературе и в публицистике взаимоотношения писателей либо политизируются, либо мифологизируются, представляются почти идеальными. На основании анализа источников делается вывод о том, что в типологическом аспекте отношения писателей вписываются в категорию «дружба-вражда», что предполагает определенный внутренний сюжет. Основные его стадии: взаимная заинтересованность, легкое покровительство со стороны старшего писателя, ощущение духовного родства, первые признаки разочарования друг в друге при сохранении внешнего единства, вражда, сожаление с обеих сторон о размолвке и отдельные высказывания о намерениях восстановить прежние дружеские отношения.

Ключевые слова: В. И. Белов, В. П. Астафьев, деревенская проза, Вологодская писательская организация, публицистика, биография, провинциальный текст

Для цитирования: Розанов Ю. В. Василий Белов и Виктор Астафьев: К истории личных и творческих отношений // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 72–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.527

ВВЕДЕНИЕ

В истории русской литературы встречаются случаи, которые принято описывать в категории «дружбы-вражды» писателей. В XIX веке это взаимоотношения И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, в Серебряном веке – А. А. Блока и Андрея Белого, в литературе первой волны эмиграции – Г. В. Иванова и Г. В. Адамовича. Подобная дефиниция применима и для характеристики личных и творческих отношений В. И. Белова и В. П. Астафьева.

В. И. Белов и В. П. Астафьев познакомились в начале 1960-х годов в Москве, в Литературном институте имени А. М. Горького, где начинающий поэт из Вологды учился на очном факультете, а прозаик с Урала – на Высших литературных курсах. Между писателями установились дружеские отношения с легким оттенком покровительства со стороны старшего, что хорошо заметно по тональности отзыва Астафьева на первую книгу Белова «Деревенька моя лесная» (1961):

«Спасибо за книжку, за стихи, помещенные в ней, за добрые слова, которые ты написал мне. “О чем

поет гармонь” – очень милая и по-хорошему грустная поэмка. <...> Для начала это совсем не плохо» [4: 505–507].

Духовная близость писателей возникла в 1966 году, когда была опубликована в петрозаводском журнале «Север» повесть Белова «Привычное дело». Астафьев не только высоко оценил это произведение, но через текст почувствовал в авторе родную душу. Теперь он пишет Белову совсем в другом тоне:

«Ох, Вася, ты, Вася! Сижу вот и плачу, дочитавши твою горькую повесть. Как мне больно, если бы ты знал! А как больно было тебе, одному Богу известно. Большого ты сердца, человек. Дай тебе Бог много дней жизни, чтоб рассказал ты еще много о русских наших людях, о горькой судьбине ихней...» [5: 59].

Астафьев делится своим открытием Белова с друзьями, сибирскими и уральскими литераторами. 8 августа 1967 года он писал А. Борщоговскому: «А вы читали ль в № 1 “Севера” повесть Васи Белова “Привычное дело”? Вот эта вещь меня потрясла...»¹. В высших инстанциях произведение подверглось разгромной критике за «аптитипийные» взгляды на развитие деревни.

Осознавая истинное значение повести и особенности характера друга, Астафьев несколько менорским тоном предостерегает Белова:

«И вот о чем я тебя прошу (прошу потому, что я старше тебя на целую войну, а это много и дает мне кое-какие права, как старшему, на советы) – не заболеть болезнью отринутого крамольника, не встань в позу оскорбленного дарования, а живи, как жил, и пиши, как писал, не попускаясь (так. – *Ю. Р.*) ничем, но и не озлобясь» [4: 521].

«Привычное дело» вызвало у Астафьева не только интерес к личности и духовному миру Василия Белова, но и к другим вологодским писателям, к культуре Русского Севера вообще. В 1960-х годах Вологодская область в кругах интеллигенции почиталась своеобразным заповедником «русскости». Тысячи любителей старины устремились в города и деревни Русского Севера в поисках утраченной в советские годы традиционной культуры и православной духовности. Для советских писателей была возможность совместить подобные паломничества с официозом идеологической работы. Летом 1968 года состоялся, как писали газеты, «агитационно-пропагандистский рейс писательской бригады по присухонским городам, посвященный подготовке к 100-летию юбилею В. И. Ленина». Об этой поездке Астафьев сообщал В. Старикову:

«Ездил я в июне в Вологду... В хорошей компании – Федор Абрамов, Вася Белов, Женя Носов, Саша Романов... прокатились от Вологды до Великого Устюга на пароходике»².

В Великом Устюге, еще не назначенном «родиной Деда Мороза», главной знаменитостью был Ефстрафий Павлович Шильниковский (1890–1980) – мастер художественного чернения по серебру. Мировая известность его работ началась еще с Всемирной выставки в Париже 1937 года. Общение с ним вызвало у Астафьева мысли о значении среды для творческого человека:

«И вот довольный всем и жалкий в этой довольности, большой художник жаловался лишь на одно: “Мне всю жизнь не хватало среды. Я засох тут один”. И я понимаю его. И надумал я покинуть Урал...»³.

В конце 1968 года Астафьев извещал Белова:

«Решил я приехать к Вам, попробовать жить в исконной России. <...> Как ты на это дело смотришь? <...> Дадут ли мне квартиру в Вологде?» [4: 668–669].

Квартирный вопрос был решен оперативно, и Астафьев переехал в Вологду, началось его «вологодское десятилетие». Эпистолярные вы-

сказывания писателя на вологодскую тему поначалу благодны и оптимистичны.

«Вот и выбрал я старинную Вологду, – пишет Астафьев Борщаговскому 16 марта 1969 года, – где есть друзья и еще пахнет Русью, близкой моему сердцу. Пока мне здесь хорошо. Народ тут простодушнее, добрее, и природа сохранилась, и тихо тут, неторопливо. Дали мне такую же точно квартиру, как в Перми»⁴.

Квартиру писателю действительно «дали», как это было принято в СССР, но без очереди, что могло быть только с санкции высшего руководства области. Именно Белов, вскоре ставший членом Вологодского обкома КПСС, ходатайствовал перед начальством о предоставлении квартиры своему другу.

Более всего Астафьев доволен вологодской культурной средой, прежде всего писателями. Своему уральскому знакомому он дает такую справку о Вологодском отделении Союза писателей:

«А в Вологде действительно очень небольшая, но крепкая и дружная организация. (На тот момент в ней состояло, вместе с Астафьевым, тринадцать человек. – *Ю. Р.*) Здесь живет превосходный прозаик Вася Белов, поэт Коля Рубцов (обязательно достань в библиотеке его сборник “Звезда полей”), Ольга Фокина, Саша Романов, и много на подходе интересных парней. Они понимают хорошо, что такое работа, и сидеть за столом не мешают»⁵.

В письме Е. И. Носову от 20 октября 1969 возникает и лестное для города сравнение: «В Вологде я чувствую себя так, как будто из курной бани выбрался на студеной снежный воздух. <...> Все же живем мы семейно, друг друга питаем». Даже об «основной проблеме» шестидесятников писатель говорит вскользь, не придавая ей особого значения: «Выпивают ребята, конечно, но не в Союзе (то есть не в помещении отделения СП. – *Ю. Р.*), и все работают»⁶. Было и еще одно преимущество вологодской организации перед другими региональными коллективами – в ней не было стукачей, штатных или внештатных осведомителей КГБ. Об этом щекотливом вопросе напрямую, конечно, не писали, но тема иногда прорывалась. Носов писал Астафьеву в 1971 году:

«Завидую вашему застолью, тому, как вы все собираетесь и вам не надо друг друга остерегаться (курсив наш. – *Ю. Р.*) в непринужденном праздничном разговоре»⁷.

Из переписки писателей-деревенщиков конца 1960-х – начала 1970-х годов следует, что в это время их занимала идея создания в Вологде, «во глубине России», неформальной

литературной группы, осознающей себя как «надежда и совесть» страны. Именно в Вологде писатели могут сохранить свою независимость и идентичность. У группы много врагов, и методы их коварны. Как писал Астафьев Носову осенью 1969 года,

«ее стараются прибрать к рукам то подачками, то моралью, то запугиванием, то лаской те, кто буд-то бы за русский народ и кто берется говорить от его имени и хотел бы диктовать свою волю в литературе»⁸.

В обобщенный «образ врага» на тот момент входили и партийные структуры, и городские писатели прозападной ориентации, и крайние националисты из общества «Память». Причем и те и другие ассоциировались с Москвой. Еще до переезда в Вологду Астафьев писал Белову:

«Литературная обстановка в Москве очень плохая, особенно почему-то поднялась недоброжелательная волна вокруг твоего “Привычного дела”, ее уже кое-где окрестили “идейно порочной книгой”» [4: 521].

Переезд Астафьева в Вологду и его сближение с Беловым усилили позиции деревенщиков. «Вологодой, – отмечает писатель, – многие стали интересоваться, кто подозрительно, кто насмешливо, кто завистливо, кто опасливо»⁹. Похоже, что вологодская группа пыталась развить успех, «перетащив» в Вологду еще одного известного и перспективного писателя, давнего друга Астафьева и Белова – Е. И. Носова. Но астафьевский сценарий здесь не прошел: местные власти дали понять, что не хотят такой активности от писателей и такого явного противопоставления Москве.

В любом случае «вологодские семидесятые» для всех авторов оказались важными и плодотворными. В значительной степени была реализована еще недавно казавшаяся утопией мечта о «вологодской школе». Много лет спустя А. А. Романов, бывший в то благословенное время руководителем вологодского отделения Союза писателей, в письме Астафьеву дал и общую, и личную оценку периода:

«Годы эти оказались поистине великими для совместной работы и для совместного осознания самих себя и проклятых вопросов современности. А от себя добавил бы я еще и то, что в том “вологодском десятилетии” изначально светился некий Божественный промысел для всех нас, а для троих – Василия Белова, Николая Рубцова и тебя, – милый Виктор Петрович, еще просиял и полдень ваших трех гениальностей»¹⁰.

Первые признаки начинающего разрушения вологодской идиллии, то есть той самой «творческой среды», которую так ценил писатель, в мемуарах Астафьева связываются с трагическими событиями января 1971 года – криминальной гибелью поэта Николая Рубцова. Друзья поэта остро чувствовали свою вину в трагедии. Позднее Астафьев вспоминал:

«На поминках мужики перепились, и я тоже, ревели, шумели, пытались высказываться, рвать на себе рубахи и от стыда, не иначе, сразу после похорон слиняли, разбежались по своим углам, разъехались по деревням и долго-долго не сходились вместе. С тех пор и началась отчужденность, затем и разобщение в нашей славной, братски объединенной писательской организации»¹¹.

В письмах Астафьева мотивы недовольства вологодским окружением, которые он поначалу принимает за ностальгию по «малой родине», появляются несколько позже, в 1973 году, например в письме Н. Волокитину: «Хочется с кем-то поговорить, поболтать. А с кем? Живу я все же в чужом краю, с чужими людьми»¹². При этом оценка Белова в эмоциональном плане даже возрастает. В сентябре 1974 года Астафьев с изрядной долей самоиронии пишет жене, писательнице Марии Корякиной, об иерархии современных авторов по «гамбургскому счету»:

«Нет сейчас другого такого крепкого, убористого и честного писателя, как он (Носов. – Ю. Р.) да Вася Белов. Нету. Эстеты есть, пестрые, вроде меня, а таких, цельных и целеустремленных, – не знаю»¹³.

Вслед за этим подъемом в астафьевских оценках Белова наступает полоса равнодушия, отчасти напускного. В конце 1976 года он отвечает на вопрос В. Курбатова:

«Теперь о Васе Белове. Я последние его вещи не читал, но читал предпоследние... Давненько уж находится в творческом кризисе и пишет не то, что ему бог велел».

Характерно, что вину за беловский «творческий кризис» Астафьев возлагает на среду, о которой еще недавно высказывался весьма лестно: «Вологодские-то люди – лукавые, они и не скажут (Белову. – Ю. Р.) никакой горькой правды»¹⁴.

Белов свое недовольство Астафьевым высказывает публично, но, не желая выносить сор из избы, тщательно его маскирует. 11 января 1976 года в областной газете «Красный Север» он публикует заметку «На стыке двух поколений». В абсолютно комплиментарном ключе упомянуты военные повести Астафьева:

«Звездопад» («лаконичное и целомудренное повествование о солдатской любви»), «Кража» («лучшая у Астафьева») и «Где-то гремит война...» («совершенно близкая» Белову «атмосфера повести»). Однако в подтексте содержится явная полемика со старшим писателем, неоднократно утверждавшим, что он старше Белова на целую войну, и поэтому претендующим на абсолютное лидерство в группе. На основании своего впечатления от повестей Белов утверждает:

«Астафьев как бы связал, воссоединил для меня как читателя два поколения: фронтовое, отцовское, и мое собственное, фэзэошное (от ФЗО – фабрично-заводское обучение. – Ю. Р.). Оказалось, что никакого разрыва между этими поколениями нет и не может быть» [1].

А раз поколенческого разрыва нет, то и претензии Астафьева на лидерство необоснованны.

Во второй половине 1970-х годов ситуация меняется уже существенно. В письме Е. Городецкому от 14 ноября 1976 года Астафьев, пожалуй, впервые решительно заявляет об отъезде из Вологды: «Надо уезжать. Дорога мне только в Сибирь, на родину, или на тот свет. Лучше на родину»¹⁵. Писатель долго откладывал трудное и хлопотное решение, постепенно подготавливая себя к нему. В письмах этого времени часто встречаются мотивы тоски по малой родине, рассуждения о сибирском климате и его пользе для здоровья и, главное, разочарованности в вологодских друзьях. Впрочем, о последнем он пишет только самым близким людям. Самая острая (и самая несправедливая) оценка вологодских писателей содержится в письме Носову, датированном июнем 1975 года:

«Разглядел я их, убедился, что пристального к себе присмотра они не выдерживают и не стоят – дерьмо, собранное в старинный крашенный туесок из милой бересты, прикрытое сверху благолепной иконкой русского письма, но уже осыпавшейся, растрескавшейся и отцветшей до доски, потерявшие все, кроме сознания: “Это мы на ней изображены!..” Знаю теперь, от чего родилась и приводящая Белова в бешенство, оттого, что точна, поговорка: “Вологодский конвой шутить не любит”!..»¹⁶.

Резкие слова во многом мотивированы личной обидой – вологодская организация в 1975 году отказалась принять в Союз писателей М. С. Корякину, жену Астафьева. В 1980 году Астафьев уехал из Вологды в Красноярск, личное общение писателей прекратилось, но они по-прежнему ревностно следили за творчеством друг друга.

В 1980-е годы новые произведения Астафьева вызывают скрытую либо прямую неприязнь Белова. Вот плохо замаскированная беловская реакция на «Затеси» в 1984 году:

«Ориентация на бессюжетность очень выгодна бездарным драматургам, посредственным и ленивым прозаикам. Под видом краткости они публикуют все свои блокнотные записи, ложная многозначительность таких коротышек не всегда очевидна...»¹⁷.

Позицию Белова разделяли и другие вологодские писатели, некоторые из них даже публично раскаивались в своей прежней дружбе с Астафьевым. Поэт Виктор Коротаев, не называя имени бывшего друга, писал в новогоднем номере «Литературной России» за 1983 год: «Не вся седина – серебро / И дружба не всякая – золото... / По младости / Зло и добро / Беспечно / Я путал когда-то...» [3]. Е. Носов в письме Астафьеву прокомментировал ситуацию следующим образом:

«Вологодские ребята, надо думать, вздохнули после твоего отъезда, захорохорились. Уж больно ты застил их, загораживал благотворительное солнышко. Вот читаю в новогодней “Лит. России” стишки Вити Коротаева. Вон аж когда захрюкал малый на тебя...»¹⁸.

Если повесть Белова «Привычное дело» была причиной и основанием духовной близости писателей, то роман Астафьева «Печальный детектив» (1982–1985) стал триггером и символом отчуждения. Этим произведением Астафьев объективно выступил против основной линии «деревенской прозы» на идеализацию народа, и в этом плане его можно противопоставить беловскому «Ладу», создававшемуся в те же годы. Неудивительна резкая оценка романа Беловым. В вологодском контексте имела значение и документальность романа, на которой настаивал Астафьев в интервью Д. Быкову [2]. Но и без признаний автора в Вологде поняли, что писатель работал почти исключительно на местном материале, все эпизоды дурости и звериной жестокости, описанные в романе, имеют вологодское происхождение, что под областным городом Вейском подразумевается Вологда со многими реалиями и узнаваемыми лицами. Есть в романе и аллюзия на «Привычное дело», которая вполне могла задеть Белова: «Лавря-казак... из корпуса генерала *Белова*» допился до того, что не может управлять лошадью, и она, как и конь Пармен Ивана Африкановича, «своим ходом идет в конюшню»¹⁹. Или завуалированный намек на складывающийся в Вологде культ погибшего «по пьянке» поэта

Николая Рубцова, «по этой причине угодившего в модные, почти святые ряды преставившихся личностей»²⁰. Под «отдаленным Хайловским районом», где происходит часть событий «Печального детектива», выведен Харовский район Вологодской области, родина Белова. Топонимическая игра с использованием бранного слова была особенно обидна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История взаимоотношений Белова и Астафьева, рассмотренная нами в развитии, образует

некий сюжет. Основные его стадии: взаимная заинтересованность, легкое покровительство со стороны старшего писателя, ощущение духовного родства, первые признаки разочарования друг в друге при сохранении внешнего единства, открытая вражда. Особыми аспектами темы, требующими отдельного анализа, являются «финальные» оценки конфликта его участниками и попытки примирения, как выразился А. Романов, «таких могучих русских писателей»²¹. Эти вопросы предполагается рассмотреть в следующей статье.

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ «Энциклопедия “Привычного дела” В. И. Белова», проект № 19-012-00348.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Астафьев В. П. «Нет мне ответа...»: Эпистолярный дневник. 1952–2001. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. С. 122.
- ² Там же. С. 139.
- ³ Там же. С. 139.
- ⁴ Там же. С. 141.
- ⁵ Там же. С. 143.
- ⁶ Там же. С. 147, 151.
- ⁷ Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 15. Письма. 1990–1997. Красноярск: Офсет, 1998. С. 55.
- ⁸ Астафьев В. П. «Нет мне ответа...»: Эпистолярный дневник. 1952–2001... С. 151.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 15. Письма... С. 114.
- ¹¹ Астафьев В. П. Затеси. Из тетради о Николае Рубцове // Новый мир. 2000. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.magazines.gorky.media/novy_mi/2000/2/zatesi-2.html (дата обращения 20.04.2020).
- ¹² Астафьев В. П. «Нет мне ответа...»: Эпистолярный дневник. 1952–2001... С. 174.
- ¹³ Там же. С. 192.
- ¹⁴ Там же. С. 240–241.
- ¹⁵ Там же. С. 239.
- ¹⁶ Там же. С. 214.
- ¹⁷ Белов В. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 7. М.: РИЦ Классика, 2012. С. 475.
- ¹⁸ Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14. Письма... С. 195.
- ¹⁹ Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 9. Печальный детектив. Рассказы. Красноярск: Офсет, 1997. С. 14–15.
- ²⁰ Там же. С. 11.
- ²¹ Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 15. Письма... С. 114.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов В. На стыке двух поколений. Заметка о творчестве Виктора Астафьева // Красный Север. 1976. 11 янв. С. 3.
2. Быков Д. Виктор Астафьев «Печальный детектив», 1986 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.tvrain.ru/lite/teleshov/sto_lektsij_s_lmritriem_bykovym/viktor_astafev_pechalnyi_detektiv-443103/ (дата обращения 01.05.2020).
3. Коротаев В. Не вся седина – серебро... // Литературная Россия. 1983. 1 янв. С. 4.
4. Суrows М. Белов: Штрихи великой жизни. Вологда, 2007. 744 с.
5. Трикоз Э. Л., Анфимова О. Н., Ефремова Л. Л. Дружба выдающихся людей: Василий Белов, Федор Абрамов, Виктор Астафьев // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Исторические и филологические науки. 2019. № 4 (15). С. 55–65.

Поступила в редакцию 17.08.2020

Yury V. Rozanov, Doctor of Philology, Vologda State University (Vologda, Russian Federation)
rosanov007@gmail.com

VASILY BELOV AND VICTOR ASTAFYEV: THE HISTORY OF THEIR PERSONAL AND CREATIVE RELATIONSHIPS*

The article examines the dynamics of the relationships between outstanding Russian writers of the second half of the twentieth century V. I. Belov and V. P. Astafyev, reconstructed mainly on the basis of letters, memoirs, and little-known publications in periodicals. The internal (psychological) nature of their conflict is analyzed for the first time. This approach is increasingly relevant, because recently the scientific literature and journalism have been either politicizing the relationships between the writers or mythologizing them, making them seem nearly perfect. The analysis of the sources leads to the conclusion that from the typological perspective the writers' relationships can be classified as "frenmity" (a portmanteau of "fiendship" and "enmity"), which presupposes a certain internal plot. Its main stages are the following: mutual interest, soft patronage from the senior writer, a sense of spiritual affinity, the first signs of being disappointed in each other while maintaining external unity, enmity, regret on both sides about the disagreement, and individual statements about the intentions to restore old friendship.

Keywords: Vasily Belov, Victor Astafyev, village prose, Vologda Writers' Organization, journalism, biography, provincial text

* The reported research was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the grant "Encyclopedia of Vasily Belov's novel *Business as Usual*" (project No 19-012-00348).

Cite this article as: Rozanov Yu. V. Vasily Belov and Victor Astafyev: the history of their personal and creative relationships. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 72–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.527

REFERENCES

1. Belov V. At the junction of two generations. Viktor Astafyev and his work. *Red North*. 1976. 11 January. P. 3. (In Russ.)
2. Bykov D. Victor Astafyev's *Sad Detective*, 1986. Available at: https://www.tvrain.ru/lite/teleshov/sto_lektsij_s_lmitriem_bykovym/viktor_astafev_pechalnyi_detektiv-443103/ (accessed 01.05.2020). (In Russ.)
3. Korotaev V. Not all gray hair is silver... *Literary Russia*. 1983. 1 January. P. 4. (In Russ.)
4. Surov M. Belov: The strokes of a great life. Vologda, 2007. 744 p. (In Russ.)
5. Trikoz E. L., Anfimova O. N., Efremova L. L. Outstanding people's friendship: Vasily Belov, Fyodor Abramov, Victor Astafiev. *Bulletin of Vologda State University. Series: History and Philology*. 2019. No 4 (15). P. 55–65. (In Russ.)

Received: 17 August, 2020